

Политика и Общество

Правильная ссылка на статью:

Константинов М.С., Пупыкин Р.А., Калиниченко А.О. Коммунитаристский концепт субсидиарности в ценностной структуре российского общества // Политика и Общество. 2025. № 3. С. 21-41. DOI: 10.7256/2454-0684.2025.3.75106 EDN: EVVRLV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75106

Коммунитаристский концепт субсидиарности в ценностной структуре российского общества

Константинов Михаил Сергеевич

ORCID: 0000-0003-2781-789X

кандидат политических наук

доцент; кафедра теоретической и прикладной политологии; Южный федеральный университет

344006, Россия, Ростовская область, г. Ростов-На-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42

✉ konstantinov@sfedu.ru

Пупыкин Роман Александрович

кандидат политических наук

зав. кафедрой; институт философии и социально-политических наук; Южный федеральный университет

344006, Россия, Ростовская область, г. Ростов-На-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42

✉ proman2006@mail.ru

Калиниченко Александра Олеговна

старший преподаватель; кафедра гуманитарных дисциплин; Ростовский филиал Российской таможенной академии

344002, Россия, Ростовская обл., г. Ростов-на-Дону, Буденновский пр-кт, д. 20

✉ zubrilina90@yandex.ru

[Статья из рубрики "ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ"](#)

DOI:

10.7256/2454-0684.2025.3.75106

EDN:

EVVRLV

Дата направления статьи в редакцию:

05-07-2025

Дата публикации:

12-07-2025

Аннотация: Статья посвящена анализу ценностных оснований рецепции и институционализации коммунитаристского концепта субсидиарности в современном российском обществе. В отличие от либеральной интерпретации субсидиарности, основанной на принципах негативной свободы и индивидуальной автономии, коммунитаристский подход рассматривает данный принцип через призму социальной солидарности, общинных связей и коллективной ответственности. Предметом анализа выступает противоречие между теоретической привлекательностью коммунитаристского понимания субсидиарности и недостаточностью эмпирических данных о готовности российского общества к его восприятию. Авторы исследуют ценностную структуру российского общества, анализируя традиционные ценности солидарности, иерархии и коллективной ответственности в сопоставлении с индивидуалистическими установками. Особое внимание уделяется изучению мировоззренческих оснований, социальных предпочтений, установок на общественное участие и характера групповой идентичности российских граждан. Исследование направлено на выявление того, какая модель субсидиарности – коммунитаристская или либеральная – более соответствует специфике российской политической культуры и ценностным ориентациям современных россиян. Эмпирическую базу исследования составили данные двух всероссийских репрезентативных опросов 2023–2024 гг. (N=1600), проведенных среди четырех поколенческих когорт (18–24, 25–39, 40–59, 60+ лет) в восьми регионах России. Методологической основой выступили теория самокатегоризации Дж. Тернера, теория базовых ценностей Ш. Шварца и теория моральных оснований Дж. Хайдта и Дж. Грэма. Научная новизна исследования заключается в первой систематической эмпирической апробации коммунитаристского концепта субсидиарности на материале российского общества с использованием масштабных социологических данных. Впервые проведен сравнительный анализ совместимости российской ценностной системы с различными интерпретациями принципа субсидиарности. Основной вывод исследования состоит в выявлении фундаментального противоречия между декларативной поддержкой коммунитаристских ценностей (90,7% поддерживают принципы равенства и взаимопомощи, 74,9% считают необходимым следовать традициям) и практическим отказом от общественного участия (лишь 1,5% считают общественную активность значимой). Исследование подтверждает гипотезу о большей совместимости российской политической культуры с коммунитаристской, нежели либеральной моделью субсидиарности, однако выявляет серьезные препятствия для ее институционализации в виде кризиса промежуточных институтов гражданского общества и феномена «пассивной субсидиарности».

Ключевые слова:

субсидиарность, коммунитаризм, социальная солидарность, гражданское общество, ценностные ориентации, поколенческие различия, местное самоуправление, социальное отчуждение, российское общество, институционализация

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ (Государственное задание в сфере научной деятельности, проект № FENW-2024-0024, тема «Культурные универсалии в мировоззренческой парадигме современного российского общества: поколенческое и региональное измерения»)

Введение

Принцип субсидиарности занимает центральное место в современных дискуссиях о перспективах демократического развития и оптимальной организации государственной власти. Однако существующие теоретические подходы к пониманию субсидиарности демонстрируют значительные различия в интерпретации как ее сущности, так и механизмов практической реализации. Особенно острой является дискуссия между либеральной и коммунитаристской традициями понимания данного принципа [\[5\]](#).

Либеральная концепция субсидиарности, доминирующая в современном политическом дискурсе, опирается на представления о негативной свободе и автономии индивида, рассматривая субсидиарность преимущественно как механизм ограничения государственного вмешательства в частную сферу. В противоположность этому, коммунитаристская интерпретация субсидиарности исходит из приоритета социальных связей, общинной солидарности и коллективной ответственности, понимая субсидиарность как принцип распределения компетенций между различными уровнями сообщества (community).

Актуальность исследования коммунитаристского концепта субсидиарности в российском контексте обусловлена несколькими факторами. Во-первых, специфика российской политической культуры, характеризующаяся традиционными ценностями коллективизма и общинности, может создавать более благоприятные условия для восприятия именно коммунитаристской модели субсидиарности. Во-вторых, процессы поиска оптимальной модели федеративных отношений и местного самоуправления в России требуют концептуального осмысления принципов распределения властных полномочий, что делает анализ субсидиарности практически значимым.

Научная проблема исследования заключается в противоречии между теоретической привлекательностью коммунитаристского концепта субсидиарности и недостаточностью эмпирических данных о готовности российского общества к его восприятию и институционализации. Существующие исследования либо ограничиваются теоретическим анализом принципа субсидиарности, либо рассматривают его исключительно в либеральной перспективе, не учитывая альтернативные интерпретации и культурно-ценностную специфику российского общества.

Целью данного исследования является апробация коммунитаристского концепта субсидиарности на эмпирическом материале двух всероссийских анкетных опросов, проведенных в 2023 и 2024 гг. научным коллективом из Южного федерального университета и направленных на исследование мировоззрения и ценностей современных россиян [\[6, 7\]](#).

Гипотеза исследования состоит в том, что ценностная структура современного российского общества создает более благоприятные условия для институционализации принципа субсидиарности в его коммунитаристском, а не либеральном понимании, что проявляется в устойчивой поддержке традиционных ценностей солидарности, иерархии и коллективной ответственности при одновременной критике индивидуалистических установок.

Материалы и методы

Концептуальную базу обоих опросов составили теория самокатегоризации по принципу «метаконтраста» Дж. Тернера [\[14\]](#), авторская теория мировоззренческих моделей [\[8\]](#),

теория базовых ценностей Ш. Шварца [23], а также теория моральных оснований Дж. Хайдта и Дж. Грэма [18]. Соответственно, концептуальную структуру исследования составили понятия «мировоззрение» (как концептуально оформленная система взглядов человека на мир, на себя и на свое место в мире), «когнитивно-ценностная доминанта» (превалирующая в системе взглядов человека на мир концептуально оформленная ценность, определяющая специфику его мировоззренческой модели), когнитивный принцип «метаконтраста» (позволяющий индивиду отразить собственную групповую идентичность при сопоставлении своей общности с другими), «мировоззренческая модель» (как интернализируемая индивидом в процессе социализации и рефлексивно адаптируемая им к повседневным взаимодействиям четырехмерная ментальная модель пространственно-временного континуума, определяемая несколькими ключевыми ценностными доминантами и определяющая понимание индивидом его собственного места в универсуме, его социальной группы (поколения), а также взаимоотношений со значимыми другими), а также «культурная универсалия» (репрезентация культурного опыта в сознании индивида, символически отраженная в эйдетической памяти, образно-мировоззренческих конструкциях, а также в языке).

Общая логика связи перечисленных концептов заключалась в представлении о том, что в процессе формирования идентичности индивид многократно осуществляет процедуру самокатегоризации в качестве члена различных социальных сообществ – местных, профессиональных, поколенческих и т. д.: «Люди могут категоризировать себя в качестве индивидуумов на основании отличающих их от не членов данной группы. Попадание или непопадание в группу отражает самокатегоризацию на уровне социальной идентичности, который включает в себя больше, чем самокатегоризация на уровне личного "Я"» [14, с. 217]. Ключевым когнитивным механизмом самокатегоризации выступает принцип метаконтраста, суть которого состоит в том, что «эффект отличительной черты, определяющей либо принадлежность к группе, либо непопадание в нее заключается в усилении воспринимаемого сходства внутри группы и воспринимаемого различия между группами» [14, с. 218]. На этой основе формируется групповая идентичность, противопоставляемая идентичности других.

Однако помимо групповой идентичности существенное влияние на формирование мировоззрения индивида оказывают специфические ценности, которые он сам – под воздействием институтов социализации – воспринимает в качестве универсальных, то есть свойственных не групповым субкультурам, а культуре вообще (национальной или общечеловеческой). К числу таких ценностей Шалом Шварц отнес десять ключевых: конформность, традиции, доброта, универсализм, самостоятельность, стимуляция, гедонизм, ориентация на успех, власть и безопасность [23]. А Джонатан Хайдт и Джесси Грэм выделили пять групп универсальных моральных ценностей, которые рассматриваются в качестве общечеловеческих: честность (представления о справедливости и равенстве), вред/забота (непричинение вреда другим), внутригрупповая преданность и лояльность (помощь «своим», т. е. представителям своего сообщества), уважение к авторитету, и святость/чистота (соблюдение ритуалов, табу и т. д.)

Наконец, конкретно для данной статьи ключевое значение имеет один из важных тезисов неинституциональной теории, согласно которому эффективность социальных институтов в существенной мере определяется соответствием того идеологического посыла, который эти институты транслируют, ценностной базе того общества, в

культурной среде которого эти институты функционируют [\[11, 20\]](#). В соответствии с этим в качестве ключевой гипотезы настоящего исследования выступает допущение о том, что ценностной структуре современного российского общества более соответствует институциональный механизм, реализующий принцип субсидиарности в его коммунитаристском понимании, а не либеральном [\[5\]](#). Для проверки этой гипотезы из собранного в процессе двух всероссийских анкетных опросов эмпирических данных был отобран тот материал, который позволяет выявить конкретные ценности россиян, «работающие» на восприятие, поддержание и трансляцию в повседневных практиках принципа субсидиарности в одной из его интерпретаций.

Первый опрос проводился в ноябре-декабре 2023 г., а второй – в ноябре-декабре 2024 г. Оба опроса основывались на всероссийской репрезентативной выборке в 1600 респондентов, что при доверительной вероятности в 95 % составляет статистическую погрешность в $\pm 2,45$ %. В соответствии с задачами исследования, выборка проектировалась вероятностной и стратифицированной. Стратификация выборки проводилась по двум критериям: возрастному и региональному (по месту проживания). Основываясь на этих критериях, исследовательский коллектив опросил четыре возрастные когорты по 400 респондентов в каждой (18–24, 25–39, 40–59 и 60 лет и старше), распределенных пропорционально географически (на восемь российских регионов (по 200 респондентов в каждом)): - Владивосток и Приморский край; - Екатеринбург и Свердловская область; - Казань и Республика Татарстан; - Луганск и Луганская область (ЛНР) (в 2024 г. вместо ЛНР был исследован Северный Кавказ); - Москва и Московская область; - Новосибирск и Новосибирская область; - Ростов-на-Дону и Ростовская область; - Рязань и Рязанская область. Все возрастные когорты были пропорционально распределены по каждому из исследованных регионов (по 50 респондентов из каждой возрастной когорты в каждом из регионов). Собранные данные обрабатывались в программе SPSS.

Результаты

Ключевой пункт, по которому расходятся в понимании принципа субсидиарности либералы и коммунитаристы, – это либеральные ценности негативной («несоциальной» [\[3, с. 118\]](#)) свободы, связанной с представлениями об изолированном индивиде, которым противопоставляются коммунитарные ценности солидарности, идентичности, нарративной личности и т. д. [\[9, 13, 15, 16, 19, 21, 22, 24–26\]](#). В соответствии с этим противопоставлением из собранного в процессе двух анкетных опросов эмпирического материала были отобраны для анализа несколько мировоззренческих и ценностных вопросов, а также вопрос о месте России в современном мире. Так, респондентам предлагалось ранжировать социальные ценности по степени их значимости лично для них. На рис. 1 представлены результаты этого ранжирования.

Рисунок 1. Ранжирование социальных ценностей

Как видно из приведенных на рис. 1 данных, либеральные ценности в сознании россиян, выражаемые ответной позицией «самостоятельность мысли и поступков», нестабильны: если в 2023 г. треть респондентов поставила эту ценность на первое место, то в 2024 г. все три высших ранга заняла ценность личной безопасности, а на четвертое место респонденты поставили левые ценности социальной справедливости и равенства. Можно предположить, что этот сдвиг был обусловлен внешнеполитическими событиями, которые происходили в 2024 г., что выразилось в растущей напряженности в российском обществе, однако это в целом не отменяет наблюдаемого факта: именно по классической формуле [\[17, см. также: 10, с. 60–68\]](#) россияне с легкостью отказываются от свободы и самостоятельности в пользу обеспечения личной безопасности. Однако данный факт мало что говорит о состоянии «либеральных» или «коммунитаристских» ценностей в сознании россиян. Он вполне может отражать внешние преходящие факторы, а отмеченный сдвиг – кратковременные ситуативные изменения.

Посмотрим, насколько россияне склонны проявлять добродетель солидарности, на которой делает акцент коммуитаризм. Респондентам предлагалось также ранжировать группы людей, с которыми они ощущают чувство общности. Результаты этого ранжирования представлены на рис. 2.

Рисунок 2. Ранжирование социальных групп по степени общности

Данные, приведенные на рис. 2 показывают более устойчивую картину: с большим отрывом на первое место респонденты поставили позицию «моя семья». Однако все остальные общности из 13 предложенных также продемонстрировали определенную динамику: если в 2023 г. россияне более склонны были подчеркивать свою общечеловеческую идентичность («все женщины / мужчины»), то в 2024 г. эта общность ограничивается (помимо семьи) кругом близких друзей и единомышленников, а также местническими «комьюнити» («мои земляки (жители моего села/аула, города, региона)»). И хотя последняя ответная позиция весьма интересна в плане коммунитаристских ценностей, но тот факт, что она занимает лишь 5-й ранг из тринадцати, а также относительно небольшие проценты респондентов, поставивших ее на более высокие позиции, этих данных также недостаточно, чтобы делать серьезные выводы.

Согласно коммунитаристскому подходу, прочные межличностные и межгрупповые связи, социальная солидарность и единство сообщества рассматриваются как высшие социальные блага. Соответственно, любая форма отчуждения или неприязни воспринимается как вызов коммунитаристскому идеалу, снижающий сплоченность и устойчивость общества. Поэтому в анкету закладывалась возможность реализации принципа «метаконтраста», позволяющего выявить основания самоидентификации респондентов через противопоставление другим. В данном аспекте этот принцип был операционализирован в вопросе «К каким категориям людей Вы испытываете отчуждение и неприязнь? Кто для Вас лично "НЕнаш"?» Для выбора респондентам предлагалось 16 ответных позиций от соседей до культурно чуждых людей, и по каждой из них ответы варьировались от сильного отчуждения и неприязни до «Не вызывает никаких негативных эмоций». Собранные эмпирические данные приведены ниже в таблице 1.

Таблица 1. Социальное отчуждение (в процентах)

К каким категориям людей Вы испытываете наибольшее отчуждение и неприязнь? Кто для Вас	2023 г.	2024 г.
--	---------	---------

лично «Ненаш»?				
1.	Соседи	Сильное отчуждение и неприязнь	3,8	3,6
		Легкое чувство неприязни	13,8	14,2
		Не вызывает никаких негативных эмоций	77,3	75,7
		Затрудняюсь ответить	5,2	6,4
2.	Представители противоположного пола	Сильное отчуждение и неприязнь	1,1	1,3
		Легкое чувство неприязни	6,3	8,3
		Не вызывает никаких негативных эмоций	86,9	84,8
		Затрудняюсь ответить	5,7	5,6
3.	Конкуренты по моей работе	Сильное отчуждение и неприязнь	3,1	3,3
		Легкое чувство неприязни	27,4	25,1
		Не вызывает никаких негативных эмоций	59,1	61,1
		Затрудняюсь ответить	10,4	10,6
4.	Личные враги	Сильное отчуждение и неприязнь	37,0	37,9
		Легкое чувство неприязни	33,2	30,9
		Не вызывает никаких негативных эмоций	17,0	16,5
		Затрудняюсь ответить	12,8	14,7
5.	Люди, НЕ разделяющие мои взгляды на жизнь	Сильное отчуждение и неприязнь	4,8	5,0
		Легкое чувство неприязни	34,1	35,5
		Не вызывает никаких негативных эмоций	54,2	52,1
		Затрудняюсь ответить	6,9	7,4
6.	Люди, НЕ разделяющие мои политические убеждения	Сильное отчуждение и неприязнь	6,5	6,3
		Легкое чувство неприязни	26,2	28,4
		Не вызывает никаких негативных эмоций	58,1	56,0
		Затрудняюсь ответить	9,3	9,3

7.	Столичные жители	Сильное отчуждение и неприязнь	5,1	5,2
		Легкое чувство неприязни	16,1	19,0
		Не вызывает никаких негативных эмоций	71,6	68,8
		Затрудняюсь ответить	7,3	7,1
8.	Американцы	Сильное отчуждение и неприязнь	15,6	13,3
		Легкое чувство неприязни	16,5	19,3
		Не вызывает никаких негативных эмоций	59,7	58,7
		Затрудняюсь ответить	8,2	8,7
9.	Европейцы	Сильное отчуждение и неприязнь	10,8	11,3
		Легкое чувство неприязни	16,9	17,3
		Не вызывает никаких негативных эмоций	63,7	62,4
		Затрудняюсь ответить	8,6	9,8
10.	Китайцы	Сильное отчуждение и неприязнь	2,4	2,4
		Легкое чувство неприязни	9,1	10,8
		Не вызывает никаких негативных эмоций	80,4	78,5
		Затрудняюсь ответить	8,0	8,3
11.	Евреи	Сильное отчуждение и неприязнь	6,1	8,3
		Легкое чувство неприязни	12,8	14,7
		Не вызывает никаких негативных эмоций	70,7	67,2
		Затрудняюсь ответить	10,4	9,9
12.	Граждане некоторых (или всех) стран СНГ	Сильное отчуждение и неприязнь	4,8	5,8
		Легкое чувство неприязни	19,4	20,6
		Не вызывает никаких негативных эмоций	66,6	62,4
		Затрудняюсь ответить	9,3	11,2
		Сильное отчуждение и неприязнь	6,8	9,1

13.	Представители некоторых национальностей	Легкое чувство неприязни	27,1	29,6
		Не вызывает никаких негативных эмоций	56,6	51,6
		Затрудняюсь ответить	9,6	9,7
14.	Представители отличных от моего вероисповеданий	Сильное отчуждение и неприязнь	1,7	2,4
		Легкое чувство неприязни	8,7	11,5
		Не вызывает никаких негативных эмоций	81,9	77,6
		Затрудняюсь ответить	7,7	8,5
15.	Люди, говорящие на другом языке	Сильное отчуждение и неприязнь	0,5	1,1
		Легкое чувство неприязни	7,8	8,4
		Не вызывает никаких негативных эмоций	86,1	85,2
		Затрудняюсь ответить	5,6	5,4
16.	Культурно чуждые мне люди	Сильное отчуждение и неприязнь	2,8	4,8
		Легкое чувство неприязни	20,1	22,0
		Не вызывает никаких негативных эмоций	64,8	61,6
		Затрудняюсь ответить	12,4	11,6

Итак, как видно из представленных в таблице 1 данных, консолидирующим фактором для самоидентификации россиян в «комьюнити» по отрицательному принципу не являются ни соседи, ни представители противоположного пола, ни даже люди, говорящие на другом языке. Религиозный фактор также не оказывает существенного влияния (в совокупности его воздействие на себе признали лишь 10,4 % респондентов). Китайцы также не воспринимаются в качестве «ненаших» (с этим не согласились только 11,5 % респондентов). Однако достаточно значимые негативные эмоции, способные консолидировать в группы по принципу «метаконтраста», в россиянах вызывают актуальные сегодня «другие»: в цивилизационном плане – американцы и европейцы; в постсоветском плане – представители некоторых стран СНГ и национальностей; в региональном плане – столичные жители; в личностном плане – личные враги, конкуренты по работе, а также люди, не разделяющие взгляды на жизнь и политические убеждения респондента. При этом растет неприязнь к евреям (что можно объяснить действиями Израиля в Секторе Газы в 2024 г., а также реакцией мирового сообщества на эти действия).

В коммунитаристской перспективе представленные данные можно интерпретировать следующим образом:

- защита границ community (данные демонстрируют четкую иерархию отчуждения,

соответствующую коммунитаристской логике концентрических кругов принадлежности: - минимальное отчуждение к ближайшему кругу (соседи (сильное отчуждение 3,6 %), представители противоположного пола (1,3 %)); - умеренное отчуждение к среднему кругу (столичные жители (5,2 %), граждане стран СНГ (5,8 %)); - максимальное отчуждение к дальнему кругу (американцы (13,3 %), европейцы (11,3 %));

- динамика укрепления границ (2023–2024) (усиление отчуждения к евреям с 6,1 % до 8,3 %; рост неприязни к представителям некоторых национальностей с 6,8 % до 9,1 %; увеличение отчуждения к «культурно чуждым людям» с 2,8 % до 4,8 %);

- идеологическая vs этническая солидарность (примечательно, что отчуждение к людям с иными политическими убеждениями (6,3 %) превышает отчуждение к представителям других религий (2,4 %), что указывает на приоритет идеологической общности над религиозной в российском контексте);

- сохранение культурной толерантности (несмотря на общий тренд, сохраняется низкое отчуждение к языковому разнообразию (1,1 %), что может отражать традиционную российскую модель мультикультурного сообщества в рамках единого политического пространства).

Таким образом, приведенные данные подтверждают центральный тезис коммунитаризма о том, что социальная идентичность формируется через систему включений и исключений. Российское общество демонстрирует классическую модель «концентрических кругов лояльности» с усилением защитных механизмов общинной идентичности в период геополитической напряженности. При этом наиболее серьезными рисками для коммунитаристского идеала выступают: - рост этнической и национальной неприязни, особенно в отношении граждан СНГ и отдельных национальностей; - усиление отчуждения по религиозным и культурным признакам; - распространение отчуждения на уровне политических и жизненных взглядов. С точки зрения коммунитаризма, выявленные проблемы требуют активного преодоления через политику инклюзивности, развитие механизмов интеграции и солидарности, а также через укрепление институтов гражданского общества и общественной коммуникации.

Но если групповое противопоставление по принципу «метаконтраста» на личностно-бытовом, а также региональном уровнях в целом характерно для многих обществ (во многих централизованных странах провинция недолюбливает столицу, а негативное отношение к врагам, конкурентам и проч. тоже вполне объясняется психологическими особенностями человека, а не структурно-институциональными или мировоззренческими), то цивилизационный и постсоветский аспекты достаточно интересны. И прежде всего тем, что они могут послужить основанием для формирования «негативной идентичности» [\[4\]](#), но крайне плохо «работают» на формирование коммунитаристской идентичности, сочетающей не только противопоставление «своего» сообщества (community) «другим», но и чувство сопричастности и ответственности за то, что происходит с «моим» сообществом (community). Именно в таком аспекте коммунитаристы предлагают разделение власти с сообществами (communities) по принципу субсидиарности [см., например: 19, 5].

Соответственно, для полноценной апробации коммунитаристского концепта субсидиарности на эмпирическом материале российского общества необходимо не только определить степень поддержки россиянами коммунитаристских или либеральных ценностей, но и выявить их установки на участие в социальных делах сообщества (community), а также мировоззренческие основания этих установок. В таблице 2

приведены данные об отношении россиян к некоторым социальным ценностям.

Таблица 2. Контингентность возраста с социальными предпочтениями (в процентах по столбцам)

Что из нижеприведенного Вы считаете наиболее значимым для себя лично?		Возраст по когортам									
		18–24		25–39		40–59		60+		Всего	
		2023 г.	2024 г.	2023 г.	2024 г.	2023 г.	2024 г.	2023 г.	2024 г.	2023 г.	2024 г.
1.	Мир во всем мире	33,3	32,0	29,8	27,8	29,8	30,8	29,3	30,5	30,5	30,3
2.	Общественная активность (например, участие в волонтерском движении и пр.)	2,3	5,3	2,3	0,8	1,3	0,0	0,3	0,0	1,5	1,5
3.	Материальный достаток	18,0	20,3	17,0	17,8	11,8	15,8	6,0	9,8	13,2	15,9
4.	Экологическое благополучие	5,0	3,5	0,0	2,3	2,0	1,8	2,0	1,8	2,3	2,3
5.	Интересная работа и доброжелательность коллег	4,8	4,0	4,0	2,8	2,5	2,5	1,3	1,8	3,1	2,8
6.	Гражданский мир внутри страны	3,0	4,0	5,5	3,5	4,5	4,8	13,5	14,0	6,6	6,6
7.	Хорошая, дружная семья	22,3	21,5	32,5	35,5	38,3	32,8	36,3	31,8	32,3	30,4
8.	Здоровый и культурно насыщенный образ жизни	6,8	6,0	5,8	5,3	6,8	7,8	6,8	6,8	6,5	6,4
9.	Другое	4,0	1,5	1,8	3,0	1,8	1,5	2,0	1,8	2,4	1,9
10.	Затрудняюсь ответить	0,8	2,0	1,5	1,5	1,5	2,5	2,8	2,0	1,6	2,0

И приведенных в таблице 2 данных мы видим, что если выбор россиян ограничить одной самой главной для них ценностью, то чаще всего они выбирают три из предложенных, значимость которых существенно выделяется на фоне всех остальных: дружная семья, мир во всем мире и материальный достаток. Причем, в отношении данных ценностей наблюдаются существенные поколенческие различия: дружная семья набирает свои высокие ценностные значения по мере взросления респондентов, а материальный достаток, напротив, имеет обратную зависимость от возраста. Семья остается ведущей ценностью для всех поколений (30,4 % в 2024 г.), что подтверждает коммуитаристский тезис о первичности локальных сообществ. Особенно показательно, что семья наиболее значима для средних и старших когорт (32,8 % и 31,8 % соответственно), что отражает традиционную российскую модель общинной солидарности. Мир во всем мире занимает второе место (30,3 %), превосходя материальные ценности. Это демонстрирует

коммунитаристскую установку на общественное благо, превосходящее личную выгоду. Не может не броситься в глаза также практически нулевая поддержка общественной активности. Это указывает на кризис промежуточных институтов гражданского общества, критически важных для коммунитаристской модели.

Но здесь же интересен и другой момент: данные подтверждают один из основных принципов коммунитаристской субсидиарности (семья как базовый уровень принятия решений доминирует над государственными приоритетами). Гражданский мир (6,6 %) значительно уступает семейным ценностям, что свидетельствует о здоровом распределении компетенций. При этом старшие поколения значительно больше ценят гражданский мир (14,0 % в группе 60+) по сравнению с молодежью (4,0 % в группе 18–24). Это отражает естественное распределение социальной ответственности: молодые сосредоточены на личном развитии, старшие – на общественной стабильности. Но крайне низкие показатели общественной активности указывают на недоразвитость среднего уровня социальной организации, что препятствует реализации как коммунитаристских, так и субсидиаристских принципов.

В целом, приведенные в таблице 2 данные демонстрируют традиционную российскую модель коммуитаризма с сильным семейным ядром и ориентацией на коллективное благо, но с ослабленными институтами гражданского участия [\[1\]](#). С точки зрения коммуитаризма, позитивным является признание важности семейной и гражданской солидарности, тогда как тревожным трендом выступает доминирование индивидуалистических и материальных приоритетов. С позиции субсидиарности позитивно воспринимается высокий приоритет семьи и гражданского мира, но низкий уровень общественной активности выявляет проблему недостаточной готовности граждан к ответственному участию в общественной и политической жизни на локальном уровне. Довольно ярко выражены и поколенческие различия: молодежь сильнее ориентирована на индивидуальные, материальные приоритеты, но также чуть более склонна к общественной активности. Старшее поколение выражает явную озабоченность внутренним миром и стабильностью, что соответствует коммуитаристскому и субсидиарному стремлению укреплять социальную и гражданскую солидарность на локальном и национальном уровнях. Все это в совокупности создает предпосылки скорее для патерналистской, а не субсидиарной модели управления.

Однако прямые вопросы, как в таблице 2, редко дают действительно значимый результат. Общественное сознание многослойно, поэтому всегда имеется риск принять поверхностные ответы респондентов за глубинные тенденции, протекающие в этом сознании. Поэтому авторский коллектив Южного федерального университета разработал методологию когнитивно-идеологических матриц, позволяющую за явно манифестируемыми респондентами установками и ценностями увидеть мировоззренческие, культурные, когнитивные и иные основания. Данный подход может дать эвристически значимый результат и в анализе степени рецепции российским общественным сознанием концепта коммуитаристской субсидиарности. Для этого обратимся к анализу некоторых из мировоззренческих установок россиян (всего в одном из вопросов анкеты содержалось 19 ответных позиций относительно мировоззренческих установок, но здесь будет проанализировано только семь; см. таблицу 3).

Таблица 3. Контингентность возраста с мировоззренческими установками (в процентах по столбцам)

Насколько приведенные ниже высказывания соответствуют	Возраст по когортам				
	18–24	25–39	40–59	60+	Всего

Вашим представлениям о мире?			2023 г.	2024 г.	2023 г.	2024 г.	2023 г.	2024 г.	2023 г.	2024 г.	2023 г.	2024 г.
1.	Иерархия оптимальная форма взаимоотношений между людьми	Полностью согласен	15,5	12,5	14,2	12,8	11,0	8,0	13,3	8,0	13,5	10,3
		Что-то в этом есть	50,5	55,0	49,5	51,0	44,8	51,0	35,8	42,5	45,1	49,9
		Совершенно не согласен	17,8	15,0	16,8	18,3	23,3	22,0	21,8	29,8	19,9	21,3
		Затрудняюсь ответить	16,3	17,5	19,5	18,0	21,0	19,0	29,3	19,8	21,5	18,6
2.	Занятие общественными делами приносит только проблемы	Полностью согласен	5,3	6,5	6,0	7,8	7,5	7,8	13,8	13,5	8,1	8,9
		Что-то в этом есть	16,3	21,3	28,7	28,5	35,8	42,8	36,0	37,3	29,2	32,4
		Совершенно не согласен	65,5	59,5	52,8	52,3	43,3	34,3	37,5	40,0	49,8	46,5
		Затрудняюсь ответить	13,0	12,8	12,5	11,5	13,5	15,3	12,8	9,3	12,9	12,2
3.	Традиции общества освящены веками, поэтому мы также должны им следовать	Полностью согласен	19,0	20,8	27,3	30,3	35,3	33,0	60,0	47,8	35,4	32,9
		Что-то в этом есть	38,5	43,8	47,3	40,8	46,0	47,3	25,0	36,3	39,2	42,0
		Совершенно не согласен	28,2	26,5	19,3	19,0	13,3	13,3	7,5	11,5	17,1	17,6
		Затрудняюсь ответить	14,2	9,0	6,3	10,0	5,5	6,5	7,5	4,5	8,4	7,5
4.	Интересы коллектива (семьи, коллег, друзей, народа, страны...) всегда выше моих личных интересов	Полностью согласен	8,5	7,0	9,3	8,5	13,3	12,3	24,0	20,3	13,8	12,0
		Что-то в этом есть	29,3	29,8	26,5	29,8	30,5	35,5	35,8	41,3	30,5	34,1
		Совершенно не согласен	52,8	55,0	54,0	50,7	46,8	41,3	26,0	29,8	44,9	44,2
		Затрудняюсь ответить	9,5	8,3	10,3	11,0	9,5	11,0	14,2	8,8	10,9	9,8
5.	Люди, некоторым исключением, склонны к сотрудничеству, а не к конкуренции	Полностью согласен	24,3	23,5	18,3	17,0	16,8	16,3	24,8	20,0	21,0	19,2
		Что-то в этом есть	51,0	50,5	51,5	51,2	50,0	51,5	46,5	47,8	49,8	50,2
		Совершенно не согласен	17,3	15,8	17,5	22,0	21,3	20,8	12,8	19,5	17,2	19,5
		Затрудняюсь ответить	7,5	10,3	12,8	9,8	12,0	11,5	16,0	12,8	12,1	11,1
		Полностью согласен	35,0	39,8	31,0	32,3	35,0	27,8	32,3	21,0	33,3	30,2

6.	предпочитаю жить своей жизнью, дистанцируясь от власти и политики	Что-то в этом есть	33,3	34,8	39,8	44,0	36,0	44,3	29,3	38,5	34,6	40,4
		Совершенно не согласен	19,3	15,0	19,0	15,0	19,5	20,3	28,7	31,5	21,6	20,4
		Затрудняюсь ответить	12,5	10,5	10,3	8,8	9,5	7,8	9,8	9,0	10,5	9,0
7.	Отношения между людьми должны строиться на началах равенства и взаимопомощи	Полностью согласен	65,0	60,8	62,0	52,8	61,8	54,0	68,8	69,0	64,4	59,1
		Что-то в этом есть	26,5	27,3	29,5	38,5	32,0	37,0	25,3	23,8	28,3	31,6
		Совершенно не согласен	4,0	5,3	3,5	2,5	1,5	3,0	1,0	3,0	2,5	3,4
		Затрудняюсь ответить	4,5	6,8	5,0	6,3	4,8	6,0	5,0	4,3	4,8	5,8

При анализе приведенных в таблице 3 данных прежде всего бросается в глаза несоответствие реальных представлений россиян многочисленным мифам о российском обществе. Так, вопреки расхожему мнению о доминировании в российском общественном сознании уравнилельных представлений о справедливости, данные показывают устойчивую поддержку иерархических отношений, что скорее соответствует коммунитаристскому пониманию общества как органической структуры с естественными уровнями авторитета и ответственности. Поддержка традиций демонстрирует выраженную возрастную градацию: среди людей 60+ 47,8 % полностью согласны с необходимостью следовать традициям (в 2024 г.), тогда как среди молодежи 18–24 этот показатель составляет лишь 20,8 %, что может быть следствием нескольких десятилетий либеральных реформ, проводившихся в России. Тем не менее, общая поддержка традиций (74,9 % в 2024 г.) подтверждает коммунитаристский тезис о важности культурной преемственности. Выявленная поколенческая контрверза углубляется при анализе мировоззренческих установок по линии коллективизм/индивидуализм: здесь мы также видим существующее напряжение (лишь 12,0 % в 2024 г. полностью согласны с приоритетом коллективных интересов, при этом 44,2 % категорически не согласны). Это указывает на проблематичность коммунитаристских ценностей в современном российском обществе, испытывающем на себе сильное влияние либеральной идеологии, особенно среди молодежи (55,0 % несогласных – в группе 18–24). Однако принцип равенства и взаимопомощи поддерживают 90,7 % респондентов (2024 г.), что демонстрирует устойчивость коммунитаристских установок на базовом уровне. Это свидетельствует о сохранении в российском сознании идеала справедливого (в коммунитаристском смысле) комьюнити.

Однако ценностные установки не всегда совпадают с институциональными реалиями: в российском общественном сознании обнаруживается представление о кризисе институтов нижнего и промежуточного уровней (в пользу институтов федерального уровня). В частности, это проявляется в негативном отношении к общественной деятельности, которое усиливается с возрастом: среди людей 60+ 50,8 % считают, что «занятие общественными делами приносит только проблемы» (2024 г.). Это указывает на дисфункцию промежуточных институтов гражданского общества, критически важных для институционализации принципов коммунитаристской субсидиарности. То же можно сказать и о наблюдаемой прогрессирующей деполитизации российского общества: 70,6 % респондентов предпочитают дистанцироваться от власти и политики (2024 г.). С одной

стороны, это может свидетельствовать о здоровом разделении сфер ответственности (в соответствии с классическими либеральными представлениями о субсидиарности); с другой – о недоверии к политическим институтам и отказе от участия в принятии коллективных решений, что может негативно сказаться на процессе и результатах институционализации коммунитаристской субсидиарности. Наконец, отмеченное выше стремление молодежи к автономии также может по-разному проявить себя в коммунитаристской субсидиарности: молодые поколения меньше поддерживают иерархию (67,5 % в группе 18–24 vs 50,5 % в группе 60+) и традиционные авторитеты. Это может создавать предпосылки для более демократической модели субсидиарности.

Таким образом, анализ мировоззренческих оснований коммунитаристской субсидиарности в российском общественном сознании позволил выявить следующие проблемные тенденции:

- атомизация общества за счет большей склонности молодежи к автономии (снижение готовности к коллективному действию при сохранении декларативной поддержки солидарности указывает на процессы социальной атомизации);
- поколенческий разрыв (существенные различия в восприятии традиций и иерархии между поколениями могут препятствовать формированию единого коммунитаристского консенсуса);
- феномен, который можно назвать «пассивной (или негативной) субсидиарностью»: дистанцирование от общественных дел может привести не к здоровой автономии, а к политической апатии и перекладыванию ответственности на государство.

Из сказанного выше следует, что российское общество демонстрирует противоречивое сочетание коммунитаристских ценностей на уровне принципов (поддержка солидарности, традиций) и индивидуалистических практик (отказ от общественного участия, приоритет личных интересов). Это создает условия для патерналистской модели управления вместо подлинной субсидиарности, основанной на активном гражданском участии.

Обсуждение

Полученные в ходе исследования эмпирические данные позволяют сделать ряд важных выводов о перспективах восприятия коммунитаристского концепта субсидиарности в российском обществе, однако выявляют и серьезные противоречия, требующие детального анализа.

Наиболее значимым результатом исследования является выявление фундаментального противоречия между декларативной поддержкой коммунитаристских ценностей на уровне мировоззренческих установок и практическим отказом от участия в коллективных действиях. С одной стороны, 90,7 % респондентов поддерживают принцип равенства и взаимопомощи, 74,9 % считают необходимым следовать традициям, а 60,2 % признают оптимальность иерархических отношений. Эти данные, безусловно, свидетельствуют о сохранении в российском сознании базовых коммунитаристских установок.

Однако практическая готовность к реализации этих ценностей оказывается крайне низкой: лишь 1,5 % респондентов считают общественную активность значимой для себя лично, а 41,3 % полагают, что «занятие общественными делами приносит только проблемы». Такое расхождение между ценностными декларациями и практическими установками создает серьезные препятствия для институционализации коммунитаристской субсидиарности, которая предполагает активное участие граждан в

управлении делами сообщества.

Выявленное в исследовании негативное отношение к общественной деятельности указывает на глубокий кризис промежуточных институтов гражданского общества – тех самых структур, которые в коммунитаристской теории должны служить основными субъектами субсидиарного управления. Особенно тревожным является тот факт, что негативное отношение к общественной активности усиливается с возрастом (50,8% среди респондентов 60+ против 27,8% среди молодежи 18–24 лет), что может свидетельствовать о накопленном негативном опыте взаимодействия с общественными институтами.

Этот кризис промежуточных институтов создает ситуацию, когда между семьей (которая остается безусловно приоритетной ценностью для 30,4% респондентов) и государством образуется институциональный вакуум. В таких условиях принцип субсидиарности может реализовываться не через активные сообщества граждан, а через делегирование полномочий государственным структурам различного уровня, что ближе к административной децентрализации, чем к подлинной субсидиарности.

Анализ поколенческих различий также выявляет противоречивые тенденции. С одной стороны, молодые поколения демонстрируют большую склонность к автономии и меньшую поддержку традиционных иерархий (67,5 % поддержки среди 18–24-летних против 50,5 % среди респондентов 60+). С другой стороны, именно молодежь показывает несколько более высокую готовность к общественной активности (5,3 % против 0 % среди старших групп в 2024 году).

Эта динамика может создавать предпосылки для эволюции российского понимания субсидиарности в сторону более демократических, партиципаторных форм, что потенциально совместимо с коммунитаристским подходом. Однако одновременное снижение поддержки традиционных ценностей среди молодежи может ослаблять культурные основания для коммунитаристской модели.

В целом, исследование выявило специфическую конфигурацию социальной солидарности в российском обществе, характеризующуюся концентрическими кругами принадлежности с четкой иерархией лояльности. Минимальное отчуждение к ближайшему кругу (соседи, представители противоположного пола) сочетается с умеренным отчуждением к среднему кругу (столичные жители, граждане стран СНГ) и максимальным отчуждением к дальнему кругу (американцы, европейцы).

Такая модель солидарности потенциально совместима с коммунитаристским пониманием субсидиарности, поскольку предполагает различные уровни ответственности и компетенций в зависимости от близости сообщества. Однако наблюдаемая динамика укрепления границ между группами (рост неприязни к евреям, представителям некоторых национальностей, "культурно чуждым людям") может препятствовать формированию инклюзивных сообществ, необходимых для эффективной реализации субсидиарности.

Особого внимания заслуживает выявленный в исследовании феномен, который можно определить как «пассивную субсидиарность» – стремление к дистанцированию от власти и политики (70,6 % респондентов) при сохранении ожиданий государственной поддержки в ключевых сферах жизни. Такая установка может интерпретироваться двояко: либо как здоровое разделение сфер ответственности в духе либеральной субсидиарности, либо как отказ от гражданской ответственности, препятствующий реализации коммунитаристской модели.

В российском контексте эта тенденция, вероятно, отражает специфический опыт взаимодействия граждан с государством, сформировавший установку на минимизацию политического участия как стратегию самосохранения. Однако такая «пассивная субсидиарность» создает риски развития патерналистской модели управления, при которой государство принимает на себя расширенные функции не в силу эффективности централизованного решения проблем, а вследствие неготовности граждан к самоорганизации.

Полученные данные позволяют сформулировать несколько важных выводов относительно институциональных перспектив коммунитаристской субсидиарности в России. Во-первых, существующая ценностная база российского общества действительно создает более благоприятные условия для коммунитаристской, нежели либеральной интерпретации субсидиарности. Приоритет семейных и общинных ценностей, поддержка принципов солидарности и взаимопомощи, признание легитимности иерархических отношений – все это не только соответствует базовым предпосылкам коммунитаристского подхода, но и имеет долгосрочную традицию в российской истории. Так, в России при достаточно сильной и централизованной власти имеется длительный опыт реализации принципа субсидиарности на основе локальной солидарности в виде земств [см., например: 12, подробнее: 2]. В числе ключевых направлений деятельности земств были не только медицина, образование, а также местное и региональное самоуправление (уездные и губернские земские учреждения), но и статистическая служба, сбор налогов, страхование, строительство и обслуживание дорог и даже почта [см.: 2]. При этом земства вполне органично вписывались в имперские структуры власти, не препятствуя, но скорее способствуя реализации ее полномочий на местном и губернском уровнях и дополняя эти полномочия.

Во-вторых, практическая реализация коммунитаристской субсидиарности сталкивается с серьезными препятствиями в виде кризиса институтов гражданского общества и низкой готовности граждан к активному участию в общественной жизни. Это требует целенаправленной работы по восстановлению доверия к общественным институтам и формированию культуры гражданского участия.

В-третьих, наблюдаемые поколенческие различия указывают на возможность эволюционных изменений в сторону более партиципаторной модели субсидиарности, однако эта эволюция не является автоматической и требует соответствующих институциональных решений.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что ценностная структура современного российского общества создает противоречивые условия для восприятия и институционализации коммунитаристского концепта субсидиарности. С одной стороны, устойчивая поддержка традиционных ценностей солидарности, семейной общности и коллективной ответственности указывает на потенциальную совместимость российской политической культуры с коммунитаристским пониманием субсидиарности. С другой стороны, практический отказ от общественного участия и кризис доверия к промежуточным институтам создают серьезные препятствия для реализации данного принципа.

Центральным противоречием, выявленным в ходе исследования, является разрыв между декларативной поддержкой коммунитаристских ценностей и практической неготовностью к их воплощению в институциональных формах. Это противоречие не является

фатальным, но требует целенаправленной работы по преодолению накопленного негативного опыта взаимодействия с общественными институтами и формированию новой культуры гражданского участия.

Поколенческий анализ показывает, что российское общество находится в состоянии ценностного транзита, характеризующегося постепенным ослаблением традиционных коммунитаристских установок среди молодежи при одновременном росте готовности к общественной активности. Эта динамика открывает возможности для формирования гибридной модели субсидиарности, сочетающей коммунитаристские ценности с современными формами гражданского участия.

Практическая значимость исследования заключается в том, что оно предоставляет эмпирическую базу для обоснования институциональных реформ, направленных на развитие местного самоуправления и гражданского общества в России. Выявленные ценностные основания могут служить отправной точкой для разработки механизмов субсидиарного управления, учитывающих специфику российской политической культуры.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что она вносит вклад в развитие коммунитаристской теории субсидиарности, демонстрируя возможности ее применения в незападном контексте и выявляя факторы, влияющие на восприятие данного принципа в различных культурных средах.

Ограничения исследования связаны с его поперечным характером, не позволяющим проследить динамику ценностных изменений в долгосрочной перспективе, а также с фокусом на ценностных установках без анализа институциональных механизмов их реализации. Перспективы дальнейших исследований включают лонгитюдный анализ эволюции ценностных ориентаций российского общества, а также сравнительное изучение практик реализации субсидиарности в различных региональных и муниципальных контекстах.

В целом, результаты исследования подтверждают гипотезу о большей совместимости российской ценностной системы с коммунитаристской, нежели либеральной интерпретацией субсидиарности, однако выявляют серьезные вызовы для практической институционализации данного принципа. Преодоление этих вызовов требует комплексного подхода, включающего как работу с ценностными установками граждан, так и создание эффективных институциональных механизмов гражданского участия.

Библиография

1. Бердяев Н. А. Царство Духа и царство Кесаря / Н. А. Бердяев. – Москва: Республика, 1995. – 383 с.
2. Веселовский Б. Б. История земства за сорок лет. Т.т. 1-4 / Б. Б. Веселовский. – Санкт-Петербург: Издательство О. Н. Поповой, 1909. – 725, 703, 711, 835 с.
3. Гобхаус Л. Т. Либерализм. – Москва: Прогресс-Традиция, 2000. – С. 83-182.
4. Гудков Л. Д. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов / Л. Д. Гудков. – Москва: Новое литературное обозрение, "ВЦИОМ-А", 2004. – 816 с.
5. Калинин А. О., Константинов М. С. Коммунитаристский концепт субсидиарности в современной политической философии // Общество: политика, экономика, право. – 2025. – № 5. – С. 38-47. DOI: 10.24158/пер.2025.5.4 EDN: OCUDWJ.
6. Константинов М. С. [и др.]. Мировоззренческие модели современных россиян: монография / М. С. Константинов, Т. А. Подшибякина, С. П. Поцелуев, Р. А. Пупыкин. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2023. – 288 с. EDN: IWVWSB.

7. Константинов М. С. [и др.]. Культурные универсалии в мировоззренческой парадигме современного российского общества / М. С. Константинов, Е. Ю. Липец, Р. А. Пупыкин, А. В. Тупаев. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2024. – 269 с.
8. Константинов М.С. Мировоззренческие модели современного российского общества: теоретико-методологический конструкт исследования // Философская мысль. 2024. № 12. С. 75-89. DOI: 10.25136/2409-8728.2024.12.72736 EDN: WLPTQN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72736
9. Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории морали / А. Макинтайр. – Москва, Екатеринбург: Академический Проект, Деловая книга, 2000. – 384 с.
10. Маслоу А. Мотивация и личность / А. Маслоу. – Санкт-Петербург: Питер, 2019. – 400 с.
11. Патрушев С. В. (ред.) Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России / С. В. (ред.) Патрушев. – Москва: ИСП РАН, 2006. – 590 с.
12. Пирумова Н. М. Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX века / Н. М. Пирумова. – Москва: Наука, 1977. – 288 с.
13. Сэндел М. Справедливость. Как поступать правильно? / М. Сэндел. – Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2013. – 352 с.
14. Тернер Д. Социальное влияние / Д. Тернер. – Москва: Питер, 2003. – 256 с.
15. Этциони А. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям / А. Этциони. – Москва: Ладомир, 2004. – 384 с. EDN: QOEAAF.
16. Etzioni A. (ed.) New Communitarian Thinking: Persons, Virtues, Institutions, and Communities / (ed. A. Etzioni). – Charlottesville & London: University Press of Virginia, 1995.
17. Franklin B. Pennsylvania Assembly: Reply to the Governor // The Papers of Benjamin Franklin [Электронный ресурс]. URL: <https://franklinpapers.org/framedVolumes.jsp?vol=6&page=238a>.
18. Haidt J. The Righteous Mind: Why Good People Are Divided by Politics and Religion / J. Haidt. – New York: Pantheon Books, 2012. – 448 p.
19. Hollenbach D. Virtue, the Common Good, and Democracy / (ed. A. Etzioni). – Charlottesville & London: University Press of Virginia, 1995. – P. 143-153.
20. Immergut E. M. The Theoretical Core of the New Institutionalism // Politics & Society. – 1998. – No. 1, March (26). – P. 5-34. DOI: 10.1177/0032329298026001002 EDN: JORAQX.
21. Sandel M. J. Democracy's Discontent: America in Search of a Public Philosophy / M. J. Sandel. – Cambridge & London: The Belknap Press of Harvard University Press, 1996. – 417 p.
22. Sandel M. J. Liberalism and the Limits of Justice / M. J. Sandel. – 2-е изд. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – 231 p.
23. Schwartz S. H. Universals in the Content and Structure of Values: Theoretical Advances and Empirical Tests in 20 Countries. – New York: Academic Press, 1992. – P. 1-65.
24. Taylor C. Sources of the Self: The Making of the Modern Identity / C. Taylor. – Cambridge: Harvard University Press, 1989. – 601 p.
25. Taylor C. The Ethics of Authenticity / C. Taylor. – Cambridge: Harvard University Press, 1991. – 142 p.
26. Walzer M. Spheres of Justice: A Defense of Pluralism and Equality / M. Walzer. – New York: Basic Books, 1983. – 346 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемой статье выступают коммунитаристская и либеральная концепция субсидиарности, в публикации исследуется соотношение между индивидуализмом и коллективизмом в современном гражданском обществе и российской политической культуре.

Методология исследования базируется на обработке результатов двух всероссийских анкетных опросов, проведенных в 2023 и 2024 гг. научным коллективом из Южного федерального университета и направленных на исследование мировоззрения и ценностей современных россиян с учетом возрастных и региональных особенностей респондентов.

Актуальность работы авторы связывают с тем, что процессы поиска оптимальной модели федеративных отношений и местного самоуправления в России требуют концептуального осмысления принципов распределения властных полномочий с учетом специфики российской политической культуры.

По мнению рецензента, новизна исследования заключается в подтверждении гипотезы о большей совместимости современной российской ценностной системы с коммунитаристской, нежели с либеральной интерпретацией субсидиарности.

Структурно в тексте публикации выделены следующие разделы: Введение, Материалы и методы, Результаты, Обсуждение, Заключение и Библиография.

Работу отличают наличие современной репрезентативной эмпирической базы и корректная интерпретация результатов ее анализа. В статье представлены результаты ранжирования социальных ценностей респондентами по степени их значимости, а также ранжирования групп людей, с которыми они ощущают чувство общности (показано, что с большим отрывом на первое место респонденты поставили позицию «моя семья»). Отмечено, что согласно коммунитаристскому подходу прочные межличностные и межгрупповые связи, социальная солидарность и единство сообщества рассматриваются как высшие социальные блага, а любая форма отчуждения или неприязни воспринимается как вызов коммунитаристскому идеалу, снижающий сплоченность и устойчивость общества. Сказано, что российское общество демонстрирует классическую модель «концентрических кругов лояльности» с усилением защитных механизмов общинной идентичности в период геополитической напряженности, а наиболее серьезными рисками для коммунитаристского идеала выступают: рост этнической и национальной неприязни, особенно в отношении граждан СНГ и отдельных национальностей; усиление отчуждения по религиозным и культурным признакам; распространение отчуждения на уровне политических и жизненных взглядов. Авторами выявлены следующие проблемные тенденции: атомизация общества за счет большей склонности молодежи к автономии; поколенческий разрыв; «пассивная (или негативная) субсидиарность» – дистанцирование от общественных дел может привести не к здоровой автономии, а к политической апатии и перекладыванию ответственности на государство. Библиографический список включает 26 источников: научные публикации российских и зарубежных авторов на русском и иностранных языках. В тексте публикации имеются адресные отсылки к списку литературы, подтверждающие наличие апелляции к оппонентам.

Из замечаний стоит отметить некоторую громоздкость таблиц.

Тема статьи актуальна, соответствует направлению журнала «Политика и Общество», материал может вызвать интерес у читателей, рекомендуется к опубликованию.